

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.9

EDN: TFOVDT

А. В. ШИПИЛОВ¹

¹ Воронежский государственный педагогический университет.
394043, Воронеж, ул. Ленина, д. 86.

ВОЗМОЖНО ЛИ СУЩЕСТВОВАНИЕ ОБЩЕСТВА БЕЗ РАЗВИТИЯ?

Аннотация. В статье проблематизировано социальное развитие как явление и понятие для настоящего времени и на перспективу применительно к обозначившимся в современном мире трендам. Понятие развития, интерпретируемого как увеличение, усложнение и улучшение, на данный момент является основным для мышления общества во времени и доминирует в словоупотреблении, тогда как в реальной действительности наметились тенденции к объединению общественного труда и снижению демографического и экономического роста. На протяжении уже полувека усилия международного сообщества направлены на достижение «устойчивого развития». В новом тысячелетии эта оксюморонная и эвфемистическая конструкция начинает уступать более однозначным понятиям «дероста» и «неразвития», выражающими установку общественного движения на самоограничение производства и потребления ради сохранения природной среды. В связи с этим автор задается вопросом: возможно ли существование общества без развития? И дает на него положительный ответ: в течение почти трех тысяч лет примером экологически детерминированного социального гомеостаза являлись номады. Вполне вероятно, что в недалеком по историческим меркам будущем реализация «зеленой повестки» приведет к замедлению или даже остановке общественного развития, и, прежде чем этому противодействовать или способствовать практически, желательно промыслить ситуацию теоретически.

Ключевые слова: развитие; эволюция; прогресс; рост; дерост; экология; гомеостаз; номадизм.

Для цитирования: Шипилов А. В. Возможно ли существование общества без развития? // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 146–161. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.9 EDN: TFOVDT

О частотности и содержании

Уже практически два столетия мы интеллектуально и ментально пребываем в парадигме развития, которое не только выступает абсолютным ценностным императивом, но и является безраздельно господствующим способом мышления бытия-во-времени, в том числе и даже в первую очередь социального. Метафора развития настолько тотальна, что уже не воспринимается как таковая: «развитие» не только стало синонимом «бытия» и «существования», но и практически вытеснило последние. Ситуацию в обыденном словоупотреблении можно проиллюстрировать с помощью Google: при вводе слова «развитие» поисковая система выдает 267 млн результатов, «существование» — 20 млн, «бытие» — 5 млн, если же попробовать установить частотность таких былых императивов, как античное «благое бытие» или христианская «праведная жизнь», то на первое выдается 835 тыс. результатов, на второе — 165 тыс. Соответственно, в англоязычном варианте для development имеем 8480 млн результатов, для existence — 1430 млн. Аналогичная ситуация в словоупотреблении необыденном: так, в действующей Конституции РФ «развитие» встречается 13 раз, «существование» — 0 раз. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 «развитие» встречается 34 раза, «существование» в форме «сосуществование» — 2 раза. Подобные и еще более красноречивые соотношения характерны не только для России. Так, в Уставе ООН «существование» фигурирует 2 раза, «развитие» — 8 раз; в Декларации тысячелетия ООН (от 08.09.2000) «существование» читаем 0 раз, «развитие» — 25 раз; в Стратегии Программы ООН по окружающей среде на 2022–2025 гг. (текст без ссылок, но со сносками) «существование» встречаем 5 раз, «развитие» — 201 раз.

О каком развитии идет речь? В Большом толковом словаре русского языка развитие, развитость и проч. определяются через крепость, зрелость, высокий уровень / высокую стадию, расширение, углубление, раскрытие, рост, видоизменение, совершенствование и т. п. [15, с. 1063–1064]. Это уровень повседневно-широкого словоупотребления; что касается уровня абстрактно-рефлексивного, то Новая философская энциклопедия трактует развитие как имманентный направленный необратимый переход от одного качества/состояния к другому в плане повышения степени структурности и совершенства [3]. В социальных науках в качестве синонима «развития» обычно используется «эволюция» в трактовке Г. Спенсера как движение от однородной бессвязной неопределенности к разнородной связной определенности, то есть понимание развития как взаимосвязанной совокупности процессов дифференциации и интеграции, разрабатывавшееся затем Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, Т. Парсонсом и др. В современном неозволюционизме спенсеровская эволюция отождествляется с развитием как частным случаем эволюции вообще,

предстающей в виде происходящего во времени процесса структурной реорганизации с возникновением качественно новых форм; последний может идти как от простого к сложному, так и наоборот. При этом отмечается, что в случае прогрессивного развития усложнение связано с ростом и представляет собой совершенствование не только в плане повышения степени адаптивности, но и в аксиологическом смысле [6, с. 7; 2, с. 17–19, 109–110]. Если попробовать это как-то суммировать, то развитие в самом первом приближении можно понимать как увеличение, усложнение и улучшение. Более глубокий анализ не соответствует формату статьи, так что далее я буду придерживаться именно такого понимания.

Что с развитием?

Исходя из этого попробуем взглянуть на то, насколько текущее и намечившееся в современном обществе соответствует понятию «развитие». Относительно ценностно нагруженного улучшения/прогресса есть позиция, что таковое наличествует. Например, М. Ридли доказывает, что сегодня лучше, чем вчера, и предсказывает, что завтра будет лучше, чем сегодня: «Темп прогресса вновь достиг пика. Будущее человеческих существ лучезарно, хотя многие из них об этом и не подозревают. <...> В этом смысле XXI век обещает быть прекрасным временем — временем, когда стоит жить» [16, с. 542, 554]. В то же время противоположная позиция, сводящаяся к тому, что все плохо и будет только хуже, представлена совершенно необозримым количеством авторов и текстов, критикующих нынешнее состояние и грядущие перспективы с консервативных, фундаменталистских, минималистских, марксистских, анархистских, энвайроменталистских и прочих позиций. В данной ситуации я, пожалуй, воздержусь от суждения, дабы иметь возможность проблематизировать феномен [социального] развития более или менее объективно. Правда, А.В. Коротаев с соавторами считают, что прогресс следует понимать как «не просто развитие, а развитие от плохого к хорошему, то есть, в конечном счете, уменьшение зла и рост добра», при принципиальной неопределимости этих понятий, не боясь «введения в объективное научное исследование таких субъективных категорий, как “добро” и “зло”» [7, с. 27–28]. Это проблема безусловно интересная, но не наша, и в любом случае требующая отдельного исследования, так что от развития как улучшения обратимся к развитию как усложнению.

Надо сказать, что Э. Дюркгейм, исследуя общественное разделение труда, имел в виду главным образом его аксиологическое значение [4, с. 415]. Внеморальный аспект социальной и в первую очередь профессиональной дифференциации он считал общеизвестным, следующим образом характеризую роль разделения труда: «Поскольку

оно увеличивает одновременно производительную силу и умение работника, оно составляет необходимое условие материального и интеллектуального развития обществ, источник цивилизации» [4, с. 56]. Отталкиваясь от этого постулата структурно-функциональной традиции, связывавшей развитие общества с разделением труда, можно констатировать, что сегодня следует говорить о своего рода социальной инволюции, связанной с объединением труда. Речь идет как об обмене, где налицо вымывание институциональных посредников между производителем и потребителем, так и о производстве, которое в силу прогрессирующей цифровизации среди прочих демонстрирует тенденцию к превращению в нечто структурно подобное доиндустриальному ремеслу и домашнему промыслу. Более того, в силу прогрессирующей автоматизации, цифровизации и роботизации объем, значение и ценность труда все больше снижаются. Речь не только о прогнозируемом в среднесрочной перспективе исчезновении сотен профессий, но и об общем сокращении труда (процентном уменьшении его доли в ВВП) как в производственной, так и в сервисной и управленческой сферах. Дело идет к исчезновению массовой занятости и превращению современного мира в «мир без работы», что осмысляется с помощью концепций посткапиталистического, посттрудового, рентного общества. Кроме того, развитие телекоммуникационных технологий лишает необходимости массовое нахождение людей в одном месте в одно время, на чем основывались важнейшие учреждения индустриального общества — завод, школа, больница, тюрьма и т. п., в силу чего институциональная дифференциация сменяется диффузией [21]. Таким образом, вместо усложнения налицо упрощение, что ставит под вопрос понимание происходящего как развития.

Наконец, что касается развития в третьем — основном — значении как увеличения/роста (демографического (численности населения) и экономического (производства, потребления, ВВП); также принимается во внимание рост структур массового индустриального общества, повышение качества жизни и ее наполненности [5, с. 50–51]), то здесь отмечается интересная тенденция: тенденция к снижению. Экспоненциальный демографический рост заканчивается, а мировой демографический переход ускоряется. По прогнозу ООН 2022 г., стабилизация численности населения предполагается на уровне 10,4 млрд к 2100 г., при этом ежегодные темпы роста, определяемые для прошлого столетия в 0,8–1,4%, к 2030–2040-м гг. должны упасть ниже 0,4%, к 2070–2080-м гг. — снизиться до 0,1%, а в 2090-е гг. рост станет уже отрицательным. Существуют также прогнозы, согласно которым уже во второй половине XXI в. рост мирового народонаселения прекратится и начнется спад: 6 млрд к 2100 г. и 3,6 млрд к 2150 г. Некоторым консервационистски настроенным экологами это представляется недо-

статочным, так что выдвигается идея необходимости для стабилизации состояния биосферы депопуляции с сокращением населения планеты до 1,5–0,5 млрд¹ [11, с. 110–112, 122, 134; 14, с. 88, 93].

Одновременно и взаимосвязанно наблюдается и еще более прогнозируется снижение экономического роста — мирового производства и ВВП в абсолютных значениях и на душу населения. Как указывает Т. Пикетти, «в XXI веке, вероятно, происходит возвращение к уже имевшему место в истории режиму медленного роста» [14, с. 87]. Средние ежегодные темпы роста в период 1–1700 гг. определяются в 0,1% для производства, 0,1% для населения и 0,0% для производства на душу населения; для 1700–2012 гг. соответствующие показатели равняются 1,6; 0,8 и 0,8% (в том числе для 1700–1820 гг. — 0,5; 0,4 и 0,1%; для 1820–1913 гг. — 1,5; 0,6 и 0,9%; для 1913–2012 гг. — 3,0; 1,4 и 1,6%). Таким образом, с Античности до начала промышленной революции темпы экономического роста были менее 0,1% в год (0,06% для населения и 0,02% для производства на душу населения), и только в XIX в. и особенно в XX в. произошел резкий скачок. Теперь же начинается возвращение на круги своя и постиндустриальные темпы роста устремляются к показателям доиндустриальным: мировое производство, достигшее в 1950–1990 гг. роста 4% в год, за период 1990–2012 гг. росло на 3,5%, на 2030–2050 гг. рост прогнозируется на уровне 3%, на 2050–2070 гг. — 1,5%, к 2100 г. — 1,25%. Этот спуск с пика на плато с приближением к состоянию нулевого роста можно трактовать как замедление/сокращение не только экономического, но и собственно социального развития, ибо если «общество, где рост составляет 1% в год, как это было в наиболее развитых странах с начала XIX в., — это общество, которое переживает постоянное глубокое обновление», то «общество, где рост равняется 0,1% или 0,2% в год, воспроизводит себя практически в неизменном виде из поколения в поколение: структура профессий сохраняется, равно как и структура собственности», также уменьшаются «изменения в образе жизни и сфере занятости» [14, с. 88, 100, 108–109]. Иными словами, дело идет от динамики к статике и даже к стазису как состоянию, противоположному развитию.

От sustainable development до sustainable degrowth

Однако объективного, само собой происходящего движения от развития к неразвитию, видимо, недостаточно: в текущем году исполняется полвека с того момента, когда развитие в качестве роста начали сдерживать и ограничивать искусственно, целенаправленно и планомерно. Речь идет о вышедшем в 1972 г. докладе Римского клуба «Пределы роста» и состоявшейся в том же году Стокгольмской конференции ООН по вопросам охраны природы, на которой была создана

¹ World Population Prospects 2022. Summary of Results. New York: United Nations, 2022. P. 9, 27.

такая структура, как United Nations Environment Programme (UNEP) — Программа ООН по окружающей среде. С начала 1980-х гг. в качестве термина, обозначающего совокупность мер, признаваемых необходимыми для удовлетворения потребностей наличного народонаселения Земли без нанесения ущерба окружающей среде, чтобы не оставить без ресурсов будущие поколения, стало использоваться словосочетание *sustainable development* (устойчивое развитие). «Устойчивость» с тех пор стала словом/понятием чрезвычайно распространенным. Так, в уже упоминавшейся Стратегии Программы ООН по окружающей среде на 2022–2025 гг., где «изменение» упоминается 119 раз, а «развитие» — 201 раз, «устойчивость»/«устойчивый» встречается 233 раза. Многочисленные авторы пишут не только об «устойчивом развитии», но и об «экологической устойчивости», «устойчивом потреблении», «устойчивой экономике», «устойчивом обществе» и т. д. вплоть до «парадигмы устойчивости». Лейтмотив всего этого разнообразия формулируется примерно так: «Концепция устойчивого развития... имеет конечной целью обуздать потребительские инстинкты человека. “*Homo ecologicus*”... — это идеал, который недостижим, но к которому необходимо максимально приблизиться» [11, с. 291].

О [настоятельной] необходимости перехода к устойчивому развитию, включая в содержание последнего широкий диапазон требований от ограничения роста до экологически мотивированной аскезы, говорится во многих исследовательских работах и официальных документах. Так, в Хартии Земли (2000 г.) провозглашается: «Необходимо объединить усилия, чтобы создать устойчивое сообщество». Следует «стремиться к... устойчивому развитию», для чего требуется «обеспечить соотнесение наших потребностей с возможностями планеты»². Г. Гарднер в докладе Института Worldwatch «Состояние мира 2001» указывает, что «люди, озабоченные созданием устойчивого общества», приняв на себя определенные обязательства, «могут начать процесс построения устойчивого мира независимо от того, что делают остальные», а если к ним присоединятся корпорации и правительства, «можно начать глобальные преобразования, равные по масштабам промышленной революции». Грядущий «устойчивый мир» будет «населен на устойчивом уровне»; «мы как сознательные агенты культурной эволюции можем создать устойчивую цивилизацию, которая действительно будет достойна назваться человеческой» [1, с. 282–283, 297–298]. Правда, возможность еще не стала действительностью: в Стратегии Программы ООН по окружающей среде на 2022–2025 гг. констатируется, что «нерациональные модели потребления и производства» продолжают использоваться, и «сегодня мы не в состоянии

² Хартия Земли. — URL: http://www.earthcharter.ru/upload/File/Earth_Charter_Rus.pdf (дата обращения 23.08.2022).

обеспечить достижение целей в области устойчивого развития». Тем не менее «устойчивый образ жизни» остается ориентиром, движение к которому следует реализовывать посредством «зеленой экономики», требующей «изменения моделей потребления и производства в целях обеспечения устойчивости»³.

Встречая «устойчивое развитие» в разных контекстах, трудно избавиться от ощущения, что это, с одной стороны, оксюморон, а с другой — эвфемизм: вместо *sustainable development* логичнее было бы говорить о *sustainable undevelopment* — устойчивом неразвитии. Л. Г. Мельник отмечает, что в понятии «устойчивое развитие» объединены слова с внутренне противоположными значениями, так как устойчивость предусматривает равновесие, а развитие возможно только при выходе из него, так что «устойчивое развитие по своему внутреннему содержанию должно означать перманентное воспроизводство так называемого состояния *гомеостаза* (динамического равновесия)» [12, с. 413]. С этим нельзя не согласиться. Действительно, речь фактически идет о гомеостазе, но утверждать желательность и даже необходимость достижения последнего мешает более чем двухвековой исключительно позитивный аксиологический статус «развития», сохраняющий свою императивность не только на категориальном, но и на ментальном уровне.

Впрочем, не для всех: в последнее время делаются попытки преодолеть общественно санкционированную благоречивость и сформулировать новый идеал более определенно и откровенно. В этом плане Г. Дэйли, сохраняя развитие как ценность, противопоставляет ему рост как антиценность. Он доказывает, что экономический рост — не панацея, сегодня поддерживать его в краткосрочной перспективе глупо, а в долгосрочной — невозможно. Переход к устойчивой экономике предполагает отказ от роста, в перспективе которого мир поджидает экологическая катастрофа. Следует взять за пример и модель саму биосферу, являющуюся конечной, нерастущей и закрытой системой, подчиненной законам термодинамики. Экономика как подсистема (можно добавить, что и общество в целом) должна стать устойчивой, то есть обрести динамическое равновесие: рождаемость должна равняться смертности, темпы производства товаров — темпам их амортизации. Устойчивая экономика — это не экономика роста, она должна продолжать развиваться, но не расти. Финансовый рынок при этом сократится, и полной занятости не будет. Но не в них счастье: людям

³ Стратегия Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде на 2022–2025 гг. для решения проблем изменения климата, утраты природной среды и загрязнения. С. 6, 42, 53. — URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/35875/K2100503-r.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (дата обращения 23.08.2022).

важнее не получать все больше дохода, а получать больше других, с этим же проблем быть не должно [22; 23].

Еще дальше идут сторонники degrowth или sustainable degrowth — дероста (антироста), или устойчивого сокращения роста. Этим понятием обозначают проект добровольного общественного сокращения производства и потребления ради социальной и экологической устойчивости. Родившийся в начале XXI в. как лозунг против экономического роста, degrowth стал не только концепцией, но и общественным движением, объединяющим активистов разных стран и ориентаций. Сторонники дероста призывают к сокращению добычи ресурсов (“leave oil in the soil, coal in the hole”) и товарного производства, к замене рынка перераспределением, к поддержке глобального Юга за счет Севера и т. п. Новая концепция осуждает отождествление развития с фетишем экономического роста и хрематистикой ВВП (“tyranny of GDP growth” [27, p. 47]) и вводит небезынтересное понятие “post-development”, под которым подразумевается критика развития как западного социального конструкта, навязанного остальному миру [26, p. 1745–1746; 24, p. 209].

О степени релевантности и реализуемости подобных идей и призывов судить сложно. По крайней мере, некоторые экономисты разрабатывают модели, в соответствии с которыми капиталистическая экономика с ее кредитными/долговыми деньгами, в принципе, может отойти от growth imperative и достичь стационарного или квазистационарного состояния, то есть устойчивого отсутствия роста [25, p. 27–30]. Так или иначе популярность дероста ширится, о чем может свидетельствовать тот факт, что Папа Римский Франциск в энциклике 2015 г. “Laudato si’ ” подверг критике идею «о бесконечном и неограниченном росте» и отметил, что «необходимо замедлить темп», более того, «немного сдержать рост, установив некоторые разумные пределы и даже повернув назад, пока это не оказалось слишком поздно». «Просто необходимо переопределение прогресса», — подчеркнул понтифик [13, с. 83, 89, 146–147]. В том, что некоторые понятия, связанные с мышлением общества во времени, следует заново отрефлексировать и, возможно, пересмотреть, с Папой Римским Франциском вполне можно согласиться; но задача данной работы другая.

Номады: 3000 лет без развития

Вопрос стоит следующим образом: может ли существовать и существовало ли в обозримой исторической ретроспективе общество (общества) с производящей экономикой, пребывающее в гомеостазе, не развиваясь, но не приходя при этом в упадок, не прогрессируя, но и не деградируя?

Да, может; да, существовало. Это номады — скотоводы-кочевники. В свое время А. Тойнби заметил, что кочевники приходили в исто-

рию — историю оседлых цивилизаций — со стороны и снова уходили в сторону, движимые не столько социальными, сколько природными факторами — такими как климатические и вегетационные циклы. Он определял кочевников как одну из задержанных (arrested) цивилизаций, так как физические условия сделали их не хозяевами, а рабами степи; «наладив контакт со степью, кочевники утратили связь с миром», а потому «общество кочевников является обществом, у которого нет истории» [17, с. 186]. Не вдаваясь в рассуждения о том, есть у него история или нет, замечу, что к кочевническому социуму понятие социального развития фактически неприменимо (именно социального, так как в сфере материальной культуры линия развития присутствовала, примерами чего служат появление в тюркском мире в середине I тысячелетия н. э. жесткого седла со стремянами, разборной юрты и др.), так как условием, содержанием и мерой последнего является деномадизация. Сформировавшись в начале I тысячелетия до н. э., он продолжал свое существование практически в неизменном виде, пока не был разрушен становящимся индустриальным обществом к концу II тысячелетия н. э. Это устойчивое существование без развития имеет своей причиной то, что для кочевников социальное определяется не экономикой, а экологией. Изменения в степи есть, развития нет, и иначе быть не может, пока по ней продолжают двигаться кочевые скотоводы.

На протяжении последнего полувека, сколько потребовало формирование и продвижение концепции устойчивого развития, отечественные исследователи писали об устойчивом неразвитии общества кочевников. Точнее, они дискутировали о стадийно-типологической определенности кочевых обществ, но, обсуждая формационную принадлежность кочевничества, его хозяйственно-культурный тип, «кочевой феодализм», «номадный способ производства», «кочевую цивилизацию» и т. п., всегда отмечали гомеостатичность номадического социума, его неспособность к развитию. Так, С.Е. Толыбеков писал, что саки и казахи, арабские бедуины библейских времен и XIX в., тибетские, маньчжурские, монгольские и тюркские кочевники разных эпох, среднеазиатские кочевники X в. и жители Сырдарьинской области конца XIX в. почти не отличались друг от друга по образу жизни и характеру производственной деятельности; также нет существенных различий между хунну III–II вв. до н. э. и монголами XI–XII вв., между казаками XV и XVIII вв. Кочевое общество — это примитивный естественно-исторический организм, хозяйство кочевников полностью зависит от стихийных сил природы, к которой оно приспосабливается, а не изменяет ее. Жизнь кочевников крайне консервативна, их общество «способно веками сохранять, консервировать и даже реставрировать отсталые формы общественных отношений», пока не произойдет частичное или полное оседание на землю (седентеризация). Кочевое скотоводство исключает оседлость, стационарные населенные пун-

кты, частную собственность на землю; оно «препятствовало развитию общественного разделения труда среди кочевников» в отношении как отделения ремесла от скотоводства, так и отделения умственного труда от физического [18, с. 55, 62, 79, 220, 317–321, 601–602].

А. М. Хазанов указывал, что между ранними и поздними кочевниками, номадами древности, Средневековья и Нового времени нет существенных экономических, социальных, культурных различий, так как их хозяйство определяется конкретными условиями той или иной ландшафтно-климатической зоны. «Ограниченные возможности экстенсивного кочевого хозяйства ставили предел социальному развитию»: в номадических обществах присутствуют и стратификация, и эксплуатация, но процесс классообразования никогда не достигает завершения, если только кочевники не осядут на землю и тем самым перестанут быть кочевниками [20, с. 12, 200, 250, 272]. Традиционное мобильное скотоводство неспособно к долговременному экономическому росту, расширенное воспроизводство здесь невозможно, это перманентно стагнирующее гомеостатическое хозяйство, а такая база ограничивает предельно возможную степень социально-политической эволюции ситуационным вождеством [19, с. 36, 160, 278–279].

Г. Е. Марков тоже считал, что при достаточно выраженной социальной и имущественной дифференциации у кочевников отсутствовали развитые формы классовой борьбы, ибо процесс классообразования у них мог достичь завершения лишь при разложении номадизма и оседании на землю. Кочевое скотоводческое хозяйство устойчиво и застойно, его развитие происходило только в периоды сложения и разложения номадизма. «Сложившись, кочевничество далее характеризуется застойностью, которая в основном порождалась слабым развитием производительных сил и незначительным разделением труда. <...> Независимость кочевого скотоводческого хозяйства от уровня развития техники, скромные потребности в предметах быта, возможность купить или отнять их у соседей-земледельцев — все это приводило к тому, что разделение труда развивалось медленно. К тому же города, ремесленные центры возникали только при прочной оседлости, что противоречит самой сути кочевничества» [9, с. 282, 284–285].

Н. Э. Масанов обратил внимание на то, что четвероногую собственность копить и концентрировать сложно и даже невозможно. Первое ограничивают, с одной стороны, периодические падежи, а с другой — необходимость делить скот между отделяющимися сыновьями и платить калым за их невест. Второе ограничено экологически — низкой кормовой производительностью растительного покрова и лимитированными водными ресурсами евразийского степного пояса и соответствующих районов Африки, что исключает возможность долговременного нахождения скота и, соответственно, скотоводов

на одном месте. Общественное производство номадов пребывает в дисперсном состоянии, социально-сегментирующей функцией которого является препятствование поступательному развитию с окончательным оформлением классов и становлением государственности. Номадный способ производства рассматривается автором как оптимальная модель экологически детерминированного способа жизнедеятельности, динамично сбалансированного с природными ресурсами среды обитания кочевников. Как их хозяйство, так и социальная организация экологически детерминированы, так что номадизм следует понимать «как форму взаимодействия и динамического равновесия естественно-природных и социально-экономических процессов» [10, с. 4–6, 16, 114–128].

Н.Н. Крадин замечает, что номады с трудом вписываются в общепринятые периодизации исторического процесса, будь то марксистские, эволюционистские или цивилизационные. Пределом эволюционной сложности кочевнических обществ являются «степные империи», но это не государства, а суперсложные вождества, возникающие как форма организации внешней эксплуатации оседлого земледельческого населения (экзополитарный/ксенократический способ производства). Дальнейшее их развитие всегда останавливалось перед непреодолимым барьером экологических условий аридной зоны Старого Света. Кроме того, государственность для кочевников не являлась внутренне необходимой, ибо экономическая деятельность осуществлялась в рамках отдельных домохозяйств, а социальные отношения регулировались традиционными (патриархальными, родо-племенными) институтами. Даже в случае возникновения «кочевых империй» о социальном развитии как таковом говорить не стоит, ибо «такие формальные показатели, как увеличение плотности населения, усложнение технологии, возрастание структурной дифференциации и функциональной специализации, остаются практически неизменными» [8, с. 25–29].

Подводя итог, можно сказать, что жизнь номадов тотально экологична и потому перманентно статична, они движутся в пространстве и покоятся во времени. Они кочуют, а не развиваются и могут начать развиваться тогда и в той мере, когда и в какой мере им придется перестать кочевать, чего кочевники больше всего боятся и меньше всего желают. Номадический социум с тех пор и до тех пор, пока он является таковым, фактически не развивается ни в значении сложности, ни в значении роста. Номадизм представляет собой высокоадаптивный способ приспособления к специфическим условиям окружающей среды, который в то же время и именно поэтому если не исключает общественное развитие полностью, то предельно минимизирует его потенциал.

* * *

К. Шваб не так давно высказал предположение, что “green trend will eventually prevail” и “future could be greener than we commonly assume” [27, p. 113]. Наверное, нет ничего невозможного в том, что зеленый тренд получит преобладание, и наше будущее станет густо-зеленым, но при этом стоит задуматься, каковы в таком случае перспективы общественного развития и как явления, и как понятия. Исторический опыт показывает, что без развития — можно, но не доказывает, что без развития — нужно. Что мне действительно представляется необходимым — это привлечь внимание к проблеме того, как помыслить существование общества во времени, не прибегая к привычному «развитию», если уж необходимость последнего во имя сохранения природы и человека ставится под вопрос. Думается, что такое теоретическое усилие будет бесполезным; осталось лишь его предпринять.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гарднер Г.* Ускорение перехода к устойчивости // Состояние мира 2001. Доклад Института Worldwatch о развитии по пути к устойчивому обществу. М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. — 397 с.
2. *Гринин Л.Е., Марков А.В., Коротаев А.В.* Макроэволюция в живой природе и обществе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 249 с.
3. *Грушин Б.А.* Развитие // Новая философская энциклопедия: В четырех томах. Т. III / Ин-т философии РАН; Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2001. С. 397–398.
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана; Примеч. В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. — 432 с.
5. *Иванов Д.В.* Новый подход к оценке социального развития // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 50–61. DOI: 10.31857/S013216250010462-1 EDN: MWGJMR
6. *Классен Х.Дж.М.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации: Коллективная монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 6–23. EDN: ТМQYWC
7. *Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 24–83. EDN: VMZVMD
8. *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк Пресс, 2007. — 416 с.
9. *Марков Г.Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М.: КРАСАНД, 2010. — 318 с.
10. *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. — 320 с. EDN: RPWCYJ

11. *Миркин Б.М., Наумова Л.Г.* Устойчивое развитие: Вводный курс. М.: Университетская книга, 2006. — 312 с. EDN: QKPKZD
12. *Основи стійкого розвитку: Навчальний посібник / За заг. ред. Л.Г. Мельника.* Суми: Університетська книга, 2005. — 654 с.
13. Папа Римский Франциск. Энциклика *Laudato si'*. О заботе об общем доме. М.: Изд-во Францисканцев, 2015. — 192 с.
14. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / Пер. с англ. А. Дунаев; Науч. ред. А. Володин. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с. EDN: VGMFFF
15. *Развить // Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов.* СПб.: Норинт, 2000.
16. *Ридли М.* Рациональный оптимист / [Пер. с англ. В. Дудникова]. М.: Эксмо, 2015. — 560 с.
17. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории / Пер. с англ.; Сост. А.П. Огурцов. М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
18. *Тольбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. (Политико-экономический анализ). Алма-Ата: Наука, 1971. — 636 с.
19. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 604 с.
20. *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. — 336 с.
21. *Шупилов А.В.* До и после современности. М.: Прогресс-Традиция, 2022. — 240 с.
22. *Daly H.* A Steady State Economy. Paper presented to the UK Sustainable Development Commission. 24 April 2008. Accessed 23.08.2022. URL: https://web.archive.org/web/20170827232023/http://www.sd-commission.org.uk/data/files/publications/Herman_Daly_thinkpiece.pdf
23. *Daly H.* Economics in a Full World // *Scientific American*. 2005. No. 9. P. 100–107. DOI: 10.1038/scientificamerican0905-100
24. *Demaria F., Schneider F., Sekulova E., Martinez-Alier J.* What is degrowth? From an activist slogan to a social movement // *Environmental Values*. 2013. No. 22 (2). P. 191–215. DOI: 10.3197/096327113X13581561725194
25. *Jackson T., Victor P.* Credit creation and the 'growth imperative'. A quasi-stationary economy with debt-based money // *PASSAGE. Working Paper Series 15/01*. Guildford: University of Surrey. 2015. P. 1–32 [online]. Accessed 15.07.2023. URL: www.prosperitas.org.uk/publications.html
26. *Martínez-Alier J., Pascual U., Vivien F., Zaccai E.* Sustainable de-growth: Mapping the context, criticisms and future prospects of an emergent paradigm // *Ecological Economics*. 2010. No. 69 (9). P. 1741–1747. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2010.04.017
27. *Schwab K., Malleret T.* COVID-19: The Great Reset. World Economic Forum. 2020. — 212 p. [online]. Accessed 15.07.2023. URL: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шипилов Андрей Васильевич — доктор культурологии, профессор; кафедра философии, экономики и социально-экономических дисциплин, Воронежский государственный педагогический университет.

Телефон: +7 4732-27-43-90. **Электронная почта:** andshipilo@yandex.ru

Дата поступления: 12.01.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. No. 3. P. 146–161. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.9

Research Article

ANDREY V. SHIPILOV¹

¹ Voronezh State Pedagogical University.

86, Lenina str., 394043, Voronezh, Russian Federation.

IS IT POSSIBLE FOR A SOCIETY TO EXIST WITHOUT DEVELOPMENT?

Abstract. The article problematizes social development as a phenomenon and concept for the present and for the future in relation to certain trends that have emerged in the modern world. The concept of development, interpreted as increase, growing complexity and improvement, is currently the main one for society's mindset in time and dominates the vernacular, while in reality there have been trends towards the convergence of social labor and a decline in demographic and economic growth. For half a century now the international community has focused its efforts on achieving "sustainable development". Since the beginning of the new millennium, this oxymoronic and euphemistic construction has begun to give way to the more unambiguous concepts of "degrowth" and "undevelopment", which denote the program setting of the growing social movement for self-limitation of production and consumption in order to preserve the natural environment. In this regard, the author poses the following question (is it possible for a society to exist without development?) and gives a positive answer for it: for almost three thousand years nomads have been an example of an environmentally determined social homeostasis. It is likely that in the near future, by historical standards, the implementation of the "green agenda" will lead to a slowdown or even a halt in social development, and before counteracting or contributing to this in practice, it is advisable to think the situation through from a theoretical standpoint.

Keywords: development; evolution; progress; growth; degrowth; ecology; homeostasis; nomadism.

For citation: Shipilov, A.V. Is it Possible for a Society to Exist without Development? *Sotsiologicheskiiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 146–161. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.9

REFERENCES

1. Gardner G. Accelerating the transition to sustainability. *Sostoyanie mira 2001. Doklad Instituta Worldwatch o razvitiy po puti k ustoychivomu obshchestvu*. [State of the World 2001. Report of the Worldwatch Institute on development towards a sustainable society.] Moscow: Ves' Mir publ., 2003. 397 p. (In Russ.)

2. Grinin L.E., Markov A.V., Korotayev A.V. *Makroevolyutsiya v zhivoi prirode i obshchestve*. [Macroevolution in wildlife and society.] Moscow: LIBROKOM publ., 2013. 249 p. (In Russ.)
3. Grushin B.A. Development. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: V chetyrekh tomakh*. [New Philosophical Encyclopedia: In four volumes. Vol. III.] Vol. III. Institute of Philosophy RAS; Scientific ed. advice: V.S. Stepin, A.A. Huseynov, G.Yu. Semigin, A.P. Ogurtsov. Moscow: Mysl' publ., 2001. P. 397–398. (In Russ.)
4. Durkheim E. De la division du travail social = The Division of Labour in Society. [Russ. ed.: *O razdelenii obshchestvennogo truda*. Transl. from French by A.B. Gofman; Noted by V.V. Sapov. Moscow: Kanon publ., 1996. 432 p.]
5. Ivanov D.V. New Approach to Assessment of Social Development. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 1. P. 50–61. DOI: 10.31857/S013216250010462-1 (In Russ.)
6. Claessen H.J.M. Problems, paradoxes and prospects of evolutionism. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii: Kollektivnaya monografiya*. [Alternative paths to civilization: Collective monograph.] Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V.A. Lynshi. Moscow: Logos publ., 2000. P. 6–23. (In Russ.)
7. Korotayev A.V., Kradin N.N., Lynsha V.A. Alternatives of social evolution (introductory remarks). *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. [Alternative ways to civilization.] Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V.A. Lynshi. Moscow: Logos publ., 2000. P. 24–83. (In Russ.)
8. Kradin N.N. *Kochevniki Evrazii*. [Nomads of Eurasia.] Almaty: Dike Press publ., 2007. 416 p. (In Russ.)
9. Markov G.E. *Kochevniki Azii: Struktura khozyaistva i obshchestvennoi organizatsii*. [Nomads of Asia: The structure of the economy and social organization.] Moscow: KRASAND publ., 2010. 318 p. (In Russ.)
10. Masanov N.E. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva*. [The nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of the life of the nomadic society.] Almaty: Sotsinvest publ.; Moscow: Gorizont publ., 1995. 320 p. (In Russ.)
11. Mirkin B.M., Naumova L.G. *Ustoichivoe razvitie: Vvodnyi kurs*. [Sustainable Development: An Introductory Course.] Moscow: Universitetskaya kniga publ., 2006. 312 p. (In Russ.)
12. *Osnovi stiikogo rozvittku: Navchal'nyi posibnik*. [Fundamentals of sustainable development: Chief assistant.] Ed. by L.G. Melnik. Sumi: University book publ., 2005. 654 p. (In Ukrain.)
13. Pope Francis. *Entsiklika Laudato si'. O zabote ob obshchem dome*. [Encyclical Laudato si'. About caring for a common home.] Moscow: Izd-vo Frantsiskantsev publ., 2015. 192 p. (In Russ.)
14. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. [Russ. ed.: *Kapital v XXI veke*. Transl. from Eng. A. Dunaev; Scientific ed. by A. Volodin. Moscow: Ad Marginem publ., 2015. 592 p.]
15. Growth. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language.] RAS, Institute of Linguistics. research; Comp. and ed. by S.A. Kuznetsov. St Petersburg: Norint publ., 2000. P. 1063. (In Russ.)
16. Ridley M. Rational optimist. [Russ. ed.: *Ratsional'nyi optimist*. Transl. from Eng. by V. Dudnikov. Moscow: Eksmo publ., 2015. 560 p.]
17. Toynbee A.J. A Study of History. [Russ. ed.: *Postizhenie istorii*. Transl. from Eng.; Comp. by A.P. Ogurtsov. Moscow: Progress publ., 1991. 736 p.]
18. Tolybekov S.E. *Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII – nachale XX veka. (Politiko-ekonomicheskii analiz)*. [Kazakh nomadic society in the 17th – early 20th centuries. (Political and economic analysis).] Alma-Ata: Nauka publ., 1971. 636 p. (In Russ.)

19. Khazanov A.M. *Kochevniki i vneshnii mir*. [Nomads and the outside world.] 3rd ed., add. Almaty: Dike-Press publ., 2002. 604 p. (In Russ.)
20. Khazanov A.M. *Sotsial'naya istoriya skifov. Osnovnye problemy razvitiya drevnikh kochevnikov evrazijskikh stepei*. [Social history of the Scythians. The main problems of the development of the ancient nomads of the Eurasian steppes.] Moscow: Nauka publ., 1975. 336 p. (In Russ.)
21. Shipilov A.V. *Do i posle sovremennosti*. [Before and after modernity.] Moscow: Progress-Traditsiya publ., 2022. 240 p. (In Russ.)
22. Daly H. *A Steady State Economy. Paper presented to the UK Sustainable Development Commission*. 24 April 2008. Accessed 23.08.2022. URL: https://web.archive.org/web/20170827232023/http://www.sd-commission.org.uk/data/files/publications/Herman_Daly_thinkpiece.pdf
23. Daly H. Economics in a Full World. *Scientific American*. 2005. No. 9. P. 100–107. DOI: 10.1038/scientificamerican0905-100
24. Demaria F., Schneider F., Sekulova F., Martinez-Alier J. What is degrowth? From an activist slogan to a social movement. *Environmental Values*. 2013. No. 22 (2). P. 191–215. DOI: 10.3197/096327113X13581561725194
25. Jackson T., Victor P. Credit creation and the 'growth imperative'. A quasistationary economy with debt-based money. *PASSAGE. Working Paper Series 15/01*. Guildford University of Surrey. 2015. P. 1–32. Accessed 07.15.2023. URL: www.prosperitas.org.uk/publications.html
26. Martínez-Alier J., Pascual U., Vivien F., Zaccai E. Sustainable de-growth: Mapping the context, criticisms and future prospects of an emergent paradigm. *Ecological Economics*. 2010. No. 69 (9). P. 1741–1747. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2010.04.017
27. Schwab K., Malleret T. *COVID-19: The Great Reset*. *World Economic Forum*. 2020. 212 p. Accessed 07/15/2023. URL: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Shipilov — Doctor of Cultural Studies, Professor, Voronezh State Pedagogical University. **Phone:** +7 4732-27-43-90. **Email:** andshipilo@yandex.ru

Received: 12.01.2023.
